

The background is a painting of a body of water, possibly a lake or a wide river, with reeds or tall grasses in the foreground. The water is dark blue and grey, with some lighter, golden-brown reflections. The reeds are thin, white, and wispy, creating a sense of movement and depth. In the distance, there is a dark, indistinct shape that could be a person or a small boat. The overall mood is somber and contemplative.

НАТАЛЬЯ СТРУТИНСКАЯ

МОРЕ НЕ ГОРИТ

Наталья Струтинская

Море не горит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69906451

SelfPub; 2023

Аннотация

За преступлением должно следовать наказание, но правосудие бывает бессильно перед воскресшими мертвецами и демонами прошлого. Алиса Нечаева встречает давнего друга, который предлагает ей работу ее мечты. Обстоятельства толкают Алису на убийство, но вместо ожидаемого избавления она сталкивается с чем-то более серьезным, чем судебное преследование. Новый психологический роман о сплетении судеб и преступлении, о котором невозможно молчать.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	32
Глава 13	34
Глава 14	36
Глава 15	39
Глава 16	42
Глава 17	45
Глава 18	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Наталья Струтинская

Море не горит

Носились слухи, за верность которых никак нельзя ручаться, что причиною болезни и смерти молодой женщины была тайная тоска о покинутом семействе и раскаяние в измене своей природной вере.

Сергей Аксаков, «Семейная хроника»

Все было полезным:

И первые слезы,

Боль внутри и радость встреч,

Душные майские грозы,

Бессонные ночи

И тепло, что не сумели сберечь...

Наталья Струтинская

Пролог

Если бы можно было прожить последние годы иначе, я бы сделала именно так. Точнее, из всех этих лет следовало бы изменить только одну минуту – ту, в которую началась череда этих лет, похожая на один долгий ненастный день. Я прожила бы эту минуту по-другому, и все не кончилось бы так, как никто и никогда не желает.

Нашей жизнью управляют наши мысли – это истина, о которой всегда нужно помнить. Это правило, которое нужно знать. Но этого оказалось мало для того, чтобы постичь счастье. Моя жизнь – это вереница истинно счастливых дней, с которыми я не смогла совладать. Мало – только получить счастье, пусть даже легко; со счастьем нужно уметь управляться.

Я веду дневники с четырнадцати лет, поэтому события, приведшие меня к той точке, в которой я оказалась, записаны мной с документальной точностью, и никто не усомнится в описанных мной событиях, потому как есть эти дневники – немые свидетели этой истории. Я сложила раздробленный пазл, чтобы представить общую картину, которая выступит на суде. Я убила человека, теперь же я жду приговора, который решит мою дальнейшую судьбу.

Никто и никогда не мечтает оказаться на скамье подсудимых. Едва ли кто-то может даже помыслить о том, что будет

обвиненным в убийстве. Здравому рассудку присущи мечты о долгой счастливой жизни, но никак не о тюремной камере.

Однако пазл получился довольно обширный. На моем слушании не будет присяжных – только судья и я. И, конечно, прокурор с адвокатом. Это дело о необычном убийстве, а это обещает нетривиальное слушание.

Не об этом мечтает человек. Он обычно грезит о красивой жизни. Он хочет обрести ее, как кусок жирного пирога с пира, на который все желают достать приглашение.

Я урвала этот куш. Я получила все, о чем могла мечтать...

Глава 1

Впервые я представила себе эту красивую жизнь в шестнадцать лет. Я увидела дом с высокими потолками и панорамными окнами, увидела мужа, которого нарекла Александром и который был красив, нежен и богат, увидела троих детей, шумно бегающих по залитым светом комнатам. Вечерами я рисовала себе этот призрачный мир своего будущего и засыпала с мечтами об этом доме, муже и детях. Так должна была сложиться моя жизнь, такими должны были стать мои дни – мирными, неторопливыми, безбедными, полными любви и достатка. Нет, я не была бы в этом своем будущем лишь домохозяйкой – я должна была стать телеведущей, известной телеведущей. С детства я любила внимание к себе, мне хотелось известности, я чувствовала свой потенциал. Таков был мой путь, таково было мое место.

В шестнадцать лет я училась в десятом классе средней школы небольшого поселка под Петербургом. Мои родители были простыми людьми, жили мы скромно, и о большом богатом доме я могла только мечтать. Мне было шестнадцать, я много мечтала и много влюблялась, неплохо училась и была довольно смазлива. Я ничего не знала ни о себе, ни о мире за пределами своих фантазий. Я была открыта всем и всему. Однако, как бы ни были наивны и бесплотны мои мечты, я твердо поверила в них, так что в восемнадцать я окончила

первый курс института кино и телевидения в Петербурге.

Прежде чем я встретила своего Александра, прошло девять лет. За плечами была общага, несколько неудачных попыток найти работу мечты и пара романов, которые ни к чему не привели. Я встретила его в вагоне пригородной электрички. Было солнечное воскресное утро, вагон был почти пуст. Он подсел ко мне и заговорил. Так счастье вошло в мою жизнь.

Совсем скоро мой Александр, высокий, статный, немногословный, подарил мне и дом, и сына, и безбедную жизнь. Я жила так, как когда-то мечтала. Но, как и во всякой даже самой счастливой судьбе, в моей жизни недоставало чего-то. Карьера мечты не покидала моего воображения, и мысль о ней прочно сидела в моей голове.

Глава 2

Бывают такие люди, которым, кажется, судьба никогда не перестает улыбаться. Я, Алиса Нечаева, относила себя именно к этой категории и принимала этот факт как данность. Я не была излишне самоуверенна или амбициозна, но к тридцати годам у меня сложилось впечатление, будто судьба, бывшая такой благосклонной ко мне на протяжении всей моей жизни, никогда не отвернется от меня, – я проживала жизнь словно в самом сердце своей мечты, со всех сторон защищенная ее покровом. Мой муж был таким, каким я всегда представляла себе его, мой единственный сын безраздельно занимал мое сердце, а мои внешние данные будто раскрыли весь свой потенциал. Я чувствовала себя состоявшейся, сильной и красивой. Мне недоставало лишь одного – профессиональной реализации, но и в этом, я чувствовала, меня непременно ждал успех.

И путь к ней предстал передо мной так же легко, как и тропа к личному счастью.

Я встретила его снежным зимним вечером на автозаправке. Я ждала, пока наполнится бак, и безучастно смотрела в лобовое стекло, пока взгляд мой не остановился на знакомой фигуре. Он шел к магазину все тем же неторопливым шагом. Я сразу узнала его, хотя, конечно, прошло много лет. Я узнала бы его из сотни фигур в темноте, потому что когда-то я

страстно его любила.

Это был он, определенно он. Мое сердце часто забилося. Бак наполнился, заправщик похлопал по крыше. Я отъехала от заправочной станции и остановила автомобиль у входа в магазин. Интересно все же встретиться вот так, на автозаправке, когда прошло столько лет. Стоит ли что-то говорить друг другу? Все как-то неловко...

Я не глушила двигатель. Я ждала. Я не могла просто уехать. Я чувствовала, что *должна* подождать.

Он вышел из магазина через несколько минут, держа в руках бутылку с водой. Прошел мимо моего автомобиля. Я увидела, как моргнул темный внедорожник недалеко от меня. Вот он подходит к нему, еще немного – и наши пути вновь разойдутся и не пересекутся, возможно, уже никогда.

Я поспешно вышла из машины и окликнула его, на выдохе произнеся имя:

– Марк!..

Он сразу обернулся и посмотрел на меня знакомым темным взглядом...

Глава 3

Наша жизнь состоит из временных интервалов, каждый из которых берет свое начало в момент, когда мы совершаем выбор. Такие моменты не ускользают от нашего внимания, – наш мир будто замирает на мгновение, а затем колесо жизни вновь начинает мотать время, быстро, лукаво и безучастно. Ему будто просто нравится эта работа – крутить время, перемалывать события, давить судьбы.

Это было слишком давно, чтобы детально помнить события и свои чувства в них. От прошлого осталась только светлая грусть, которая была подобна дымке. Она окутала мой взор, и сквозь нее я видела образ, который все еще пленял меня. Он не мог не пленять: амбициозный, сильный, азартный – этот мужчина был создан, чтобы очаровывать.

Он узнал меня сразу. Я растерялась и в то же мгновение я напомнила самой себе о том, что я уже не девочка, которую можно было смутить одним взглядом. За моей спиной стояла крепкая, счастливая семья – а это ли не фундамент нашей уверенности?..

Последовало исполненное удивления приветствие, пара фраз, которые не отложились в памяти, после чего Марк предложил выпить кофе. Я не отказалась.

Конечно, мы уже не были так юны, однако в кафе на несколько мгновений я почувствовала себя школьницей –

глядя на его красивое широкоскулое лицо, я ощущала дрожь в пальцах, жар в голове, тревогу. И я подумала, что все это зря.

– Мне пора, – сказала я едва ли не сразу. – Сын рано ложится спать...

– Хорошо, – кивнул Марк, нисколько не смутившись моей поспешностью. – Кстати, – сказал он, поднимаясь из-за столика, – ты сейчас работаешь где-то?

– Пока нет, – ответила я и улыбнулась: – Пока не нашла работу мечты...

– У нас на канале ищут новую ведущую, – выпалил он. – Не хочешь попробовать?

Его слова опустились на меня удушливой волной.

– Да... – Я старалась не выдавать нахлынувшего волнения.

Он протянул мне визитку.

– Позвони мне завтра. Я скажу, когда подъехать.

Уже в машине я посмотрела на визитку. Марк Аксёнов, продюсер.

Я была будто во сне.

Глава 4

Человек из прошлого – он словно побочный продукт судьбы. Он был для чего-то, он коснулся какого-то дня, а затем утонул в потоке событий. Все люди прошлого, всплывшие на поверхность моих дней, казались мне призраками. Они тянули меня назад и в то же время они будто возвращались для того, чтобы вселить в душу прощение. Так или иначе, люди из прошлого всегда вносят смуту в настоящее. Невозможно уважать или любить человека так, как перед каким-то «до». Стоит ли это прощение смятения... Вероятно, иногда стоит.

В тот вечер я вернулась домой в приподнятом настроении. Мой трехлетний сын Ваня еще бегал по дому в пижаме. Муж встретил меня поцелуем. Саша был программистом и нередко работал дома. О встрече с Марком я рассказала ему за ужином, когда мы остались вдвоем. Саша поддержал меня, предположив, что предложенная работа придется мне по душе. О Марке Саша знал немного – вместе учились в школе, вместе поступили в университет. В университете мы были уже не вместе – разные факультеты, разные пути.

Я долго не могла уснуть. Возбуждение сменилось тревогой. В какие-то мгновения я даже жалела, что окликнула его. Я будто прикоснулась к тому, что нельзя было ворошить. Но ведь он продюсер, он предложил мне работу. Должно быть, хорошую работу...

На следующий день я позвонила Марку. Он продиктовал мне адрес студии. Я поблагодарила, и он дождался, пока я сама прерву звонок. В этом весь Марк – учтивый, временами даже угодливый.

Встреча была назначена на понедельник. Я готовилась к ней, как к поворотному событию в своей жизни. Я была красива, элегантна, собрана. К моей радости, даже мои кудрявые светлые волосы короткими игривыми завитками аккуратно обрамляли лицо, а не торчали беспорядочными спиралями.

Ваня и Саша из окна помахали мне на прощание руками – садясь в машину, я махнула им в ответ. В то утро я уже не испытывала тревоги. Я видела в зеркале красивую молодую женщину, которая была достойна работы своей мечты. Пусть это был Марк. Возможно, так было даже лучше.

Глава 5

Отношения завязались почти сразу. Я никогда не считала себя способной на измену, однако случилось то, что случилось, и вспыхнувшая между нами страсть была необратима.

Все сыграло свою роль – и случайная встреча, и воспоминания, и это животное влечение, которое он пробуждал. Поначалу я вообще не считала за измену то, что совершала, – взгляды, случайные прикосновения, фантазии, – однако всем этим казавшимся безобидным флиртом я положила начало тому, что было сложно остановить.

Игра в любовь увлекает. Флирт, встречающий ответ, пробуждает азарт. А все пропитанное запретом имеет магнетическую силу. Я сдалась почти сразу. Ему достаточно было позвать меня за собой, и я пошла за ним, забыв обо всем.

– Я не могу... – слабо сопротивлялась я ласкам, которыми он покрывал меня. – Не могу...

– Столько лет... – слышала я дурманивший голос у своего лица. – Разве можно так?..

Жизнь иногда кажется мне хитро задуманным квестом: только ты справляешься с одним заданием, как тут же тебе предлагают выполнить другое. Я могла поступить иначе, могла отказаться от него, могла не предавать свою природную веру, ведь я считала себя верной женой и хорошей матерью, я считала себя человеком правил. Но любые прин-

ципы разбивает страсть, любую мораль топят волны влечения. Нельзя думать, что кто-то не способен на преступление. Каждый человек может совершить все из того, что способно изобразить даже самое извращенное воображение. Нужны условия – только и всего.

И такие условия представились мне.

Глава 6

Я стала телеведущей на новостном канале. Ваню определили в частный детский сад. Мой Саша отвозил и забирал его сам, а я все чаще возвращалась домой за полночь.

Наш дом всегда был для меня крепостью. Я любила своего мужа, любила сына. В них заключалась вся моя жизнь, в них билось мое сердце. Я любила свою жизнь, счастливую и мирную. Любила наш большой и светлый дом, нашу кухню, где за обеденным столом случалось так много праздников и чаепитий, нашу спальню, в которой отсветы камина освещали много ночей, нашу детскую, в которой тихо сопел Ваня, и нашу гостиную, в которой вечно были разбросаны игрушки. Я жила в крепости, и крепость жила во мне, определяя мое место в мире. Теперь же крепость внутри меня пошатнулась, и крепость, в которой я жила, превратилась для меня в одинокую башню, из которой не представлялось возможным выбраться.

Меня все стало раздражать – и игрушки в гостиной, и эти чаепития, и наша спальня. Я старалась не показывать своих эмоций, однако временами мне было трудно совладать с собой. Я ежеминутно думала о Марке, все мои фантазии и все сны были о нем. Ласки мужа стали мне неприятны, а сын действовал мне на нервы, когда требовал к себе слишком много внимания. Меня раздражало все, что мешало мне ду-

мать о Марке, вспоминать его ласки, мечтать о его прикосновениях. Я сама для себя делалась отвратительной, но справиться с эмоциями становилось все сложнее.

Я встречалась с ним в студии почти каждый день. Мы не созванивались по телефону, не писали сообщений. На кону стояло слишком много, чтобы так просто сглупить. Все это волновало меня, заставляя вдруг улыбнуться где-нибудь среди толпы или даже на собственной кухне.

– Чему ты улыбаешься? – спросил меня однажды Саша.

– Вспомнился... случай из студии, – я едва нашлась с ответом. – Не так важно, – покачала я головой и добавила: – У нас хороший коллектив на работе. Веселый...

– Тебе все нравится?

– Да. Это то, чего я всегда хотела.

– Иди ко мне, – Саша протянул ко мне руку.

Я опустилась рядом с мужем на диван. Он обнял меня, крепко поцеловал в губы.

– Я очень рад за тебя, любимая, – тихо сказал Саша. – Главное, чтобы ты была счастлива...

Я почти не слушала мужа, едва ощущала прикосновение его губ. Мысли мои были далеко.

– Посмотрим фильм? – услышала я ласковый голос мужа, пронзивший стену моих грез. – Какой ты хочешь?

– Любой... – рассеянно ответила я. – Выбери сам...

Саша переключил свое внимание на работающий телевизор, а я вновь погрузилась в мысли о Марке и о самой себе.

Глава 7

Мы расстались с ним больше десяти лет назад, потому что он встретил другую девушку, на которой женился тремя годами позднее. О женитьбе Марка я узнала из социальной сети. Я болезненно пережила наш разрыв, а новость о его женитьбе опустила на меня, как свинцовый лист. Когда в моей жизни появился Саша, я уже не думала о Марке, мое сердце больше не грезило о нем. Я была свободна и вышла замуж по любви. Образ Марка стал призраком отступившей темноты.

Я не знала о том, что Марк прожил в браке всего пару лет. К моменту нашей встречи у нас обоих было все то, что люди называют состоятельностью. Мы были взрослыми, состоявшимися, обеспеченными людьми. Из прошлого в настоящее вырвалось лишь влечение, с которым трудно было бороться.

Это походило на реванш – я получила то, что когда-то потеряла, что страстно желала и что было моей самой сильной болью, а теперь стало самой жгучей радостью. И тем отношения с Марком были ценны для меня, что время сокрыло своей пеленой событийность и оставило на поверхности памяти только чувства – глубокие, поэтичные, украшенные покровом дней. Мы прожили друг без друга много лет, а нас все так же друг к другу тянуло. В моей душе больше не было обиды на него – я желала его так же страстно, как когда-то

давно, а он был ко мне так же пылок, как в юности.

Я чувствовала себя счастливой и раздраженной, тревожной и смиренной, пылкой и бесстрастной, доверчивой и расчетливой. Я старалась быть прежней Алисой, любящей женой и нежной мамой, и стать искусной любовницей, от которой нельзя было так просто отказаться. Я играла в опасную игру, и она возбуждала меня. Я получала удовольствие от своей работы и восторг от отношений с Марком, которые с каждым днем все больше затягивали меня. Этот мужчина был из тех, кому либо отдаешься без остатка, либо не отдаешь и минуты. Я не могла не получить его, не могла отказаться от него. Он был моей несбывшейся мечтой, которая становилась былью под моими ладонями.

Страсть губит даже самое строгое сердце. Нельзя чуть-чуть любить и быть немного любовницей. Я совершала то, что в некоторые минуты считала сущей бессмыслицей, а в другое время наделяла смыслом. Однажды я поняла, что то-ну и обратно мне уже не выбраться, но было слишком поздно.

Глава 8

Жар лирики силен. Шелковый навес любовной романтики горит быстро и зрелищно. Жаль, немногим удалось запечатлеть этот пожар. Он всепоглощающ, он сметает все, он все выжигает внутри, он жадно сжирает остатки былой совести и самолюбия. После – тьма. Зато в самый разгар тепло и свет причудливо обглаживают плоть.

Я все чаще начинала ощущать внутри себя пустоту, будто во мне образовалась брешь, и вся моя суть вытекала из меня. Только он наполнял меня. Но его становилось мало. Если в самом начале мне довольно было нескольких минут его присутствия рядом, то теперь мне недоставало и часов, проведенных с ним. Его было мало, так мало, что в минуту прощания сердце разрывалось от тоски, грудь пронзали сотни ножей сожаления. А большего я позволить себе не могла...

– Я больше не могу, – однажды выпалила я, оттолкнув Марка от себя. – Все надо прекратить. Все это начинает меня душить...

– Ты же любишь меня?.. Любишь?.. – Марк покрывал мое тело поцелуями, которые оставляли на коже обжигающие следы. Его губы словно впивались в меня, и, казалось, оставляли след, который никогда не пройдет.

– Люблю, – шептала я. – Люблю так сильно... Но не могу... Не могу быть в полной мере твоей, а ты моим. Все ложь,

абсолютная ложь мы сами. Так нельзя. Это уже не страсть, а болезнь... Я ревную, – вдруг выпалила я. – Я ревную тебя ко всем...

Мне показалось, что Марку доставило удовольствие мое признание. Меня это задело.

– Это хорошо, – ответил он, усмехнувшись.

– Почему же?

Он прильнул к моим губам так, что дрожь пронзила мое тело. Его тело было едино с моим, его тепло было и моим теплом, а его фантазии находили во мне свое воплощение. Там, где кончается ощущение плоти и начинается экстаз чувств, происходит вспышка, в которой единство тел является чем-то большим, нежели только порывом. И в этой вспышке, в этом исступленном наслаждении случилась искра, воспламенившая то, что должно было рано или поздно сгореть.

Глава 9

Посвящая свои мысли другому, заполняя пространство своего воображения образом того, к кому тяготеет сердце, мы становимся требовательны, ревнивы, в нас пробуждается себялюбие – самое сильное из человеческих чувств. Мы потребители, собственники, мы не привыкли отдавать – мы хотим владеть, мы стремимся удерживать в своих руках то, что не можем уместить на ладонях. И оттого жизнь сочится сквозь пальцы, а душу крепко сжимает ощущение ускользающего времени, фатальной гибели минут, которые как будто еще должны повториться.

Даже время представляется нам нашим должником. Нам должен ближний, должен прохожий, должен сам Бог. Только мы сами не считаем себя кому-то обязанными. Пространство полно обещаний и неисполненных клятв. Мы много говорим – до хрипоты. Живем без долга. Только ждем – когда наступит завтра, сменится сезон, исполнится задуманное. Сегодня для нас нет, мы скользим по его поверхности к следующему дню, бросая наугад обеты. Бездумно, лживо, самонадеянно...

Я стала ревнива. Любой случайный взгляд Марка не на меня, любой звонок в моем присутствии, любое сообщение заставляли меня думать, что есть кто-то еще, что все игра, все не так серьезно, как стало казаться... Это все уже было,

думалось мне, было давно, – тогда он оставил меня, предал, заставил страдать. Теперь все было как будто иначе, но память сердца была жива, – меня пронзала дрожь всякий раз, когда он словно украдкой отвечал на сообщение, когда сбрасывал вызов, когда прятал телефон в карман при уведомлении.

Что ждало нас? Что могло быть дальше? Бесконечный роман, который уже становился грузом, что был временами мне не по силам?.. Развод, который я исключала? Или же...

Нет. Развод был невозможен. Потеря семьи – это что-то более значимое, чем случайная встреча и азартная связь.

Разрыв отношений с Марком?

Это трудно. Почти невозможно...

Я чувствовала себя загнанной в угол. Больше не было радости в этой связи, в любви, вспыхнувшей между нами.

А была ли любовь? Поначалу я думала, что да, – любовью были наши отношения, наше прошлое, а наше будущее, сложное, полное препятствий, первое время казалось самым настоящим, единственно возможным, а теперь сделалось призрачным, нереальным. И ощущение этой нашей невозможности с каждым днем становилось сильнее. Все кончится – теперь или потом. Я стала это понимать, пусть медленно, пусть мысль эта была мучительна для меня, но все же она была явственней, нежели представление о будущем с Марком. Слишком многое было за спиной, слишком многое было пройдено, чтобы вот так от всего отказаться и начать

новый путь.

Но чувства почти всегда побеждают здравый смысл. Не так просто отказаться от себялюбия, не так просто заглушить его в себе...

Глава 10

Как будто почувствовав мои настроения, Марк временами становился то отчужденным по отношению ко мне, то вдруг внимательным и чутким. Я сразу заметила эту перемену в нем. Он словно желал тем самым задеть меня, распалить мои чувства, сильнее привязать меня к себе; эта перемена в нем томила меня, заставляя чувствовать себя несчастливой. Мне хотелось, чтобы Марк принадлежал мне, только мне одной. Я хотела владеть им, я стремилась удержать его. Уместить в своих ладонях больше того, что было возможно, – это мое желание скоро стало для меня пыткой, и мое самолюбие извлекло из глубин моего существа новое и во многом неожиданное в этой ситуации чувство – протест.

– Нам нужно расстаться, – однажды твердо сказала я Марку, поддавшись порыву этого своего нового чувства. – Все нужно прекратить, – повторила я слова, как будто уверенная в своем решении.

Я смотрела на Марка, ожидая увидеть на его лице смятение, гнев, обиду. Но лицо его не изменилось – оно оставалось спокойным и бесстрастным.

– Но это невозможно, – сказал он без интонации в голосе. – Ты сама это знаешь.

– Почему же? – Мой голос дрогнул.

– Я люблю тебя, – сказал Марк, и в его голосе слышались

лись стальные нотки. — Я не хочу расставаться с тобой. И ты любишь меня. И всегда любила...

Я не ожидала такого ответа, не ожидала этой обжигающей бесстрастности в голосе и огня, горящего во взгляде. Холод проник в мое сердце.

— Я хочу расстаться, — ответила я твердо. — Теперь хочу еще сильнее. Наши отношения тяготят нас обоих. Ты знаешь, что это будет правильно.

Марк вдруг усмехнулся. Помедлив, он сказал:

— Такие чувства в душе... Знаешь... Обида и горечь... Невыносимо, невозможно тебя отпустить.

— Ты сделал это очень давно, и все сложилось так, как теперь. Я любила тебя, но не сейчас... — К горлу неожиданно подступили слезы. — Не теперь... Все нужно прекратить, — вновь повторила я. — Все прекратить...

Чувствуя, что вот-вот расплачусь, я отвернулась от Марка. Ноги сами увели меня от него. Я уходила, и с каждым шагом чувство протеста в моей груди замещало другое, лишавшее меня прежней уверенности, — чувство страха.

Глава 11

Мой разрыв с Марком как будто обещал мне возвращение в прежнюю жизнь, хотя так, как было до встречи с ним, уже быть не могло, – что-то надломилось во мне самой, а потому и вокруг меня все изменилось, пусть даже муж и сын жили в неведении. До конца своих дней я должна была скрывать эту связь, до самой смерти хранить секрет своей страсти, внезапной и сокрушительной.

Другими глазами я смотрела на Сашу, по-другому говорила с сыном. В груди накрепко засел свинцовый ком – чувства были смешанные, неопределенные, тяжелые. И среди всех этих чувств я находила этот едкий, оглушающий страх – Марк мог не отпустить меня так легко. Ему нечего было терять – я же могла потерять все, что имела.

Вступая в отношения с Марком, я не думала о том, как они могут завершиться. Я слепо следовала воле чувств. Размышлять о своих действиях теперь было поздно и даже несколько театрально – я не думала, что оступилась или совершила ошибку. Эта связь между нами была как будто самым естественным исходом нашей встречи – мы не могли пройти мимо друг друга, не могли быть только знакомыми. Это случается часто, почти у всех, и почти каждый знает об этом, – стоит только поддаться порыву, стоит только следовать туда, куда ведет упрямая рука событий. И не размыш-

лять, не думать о том, что будет потом. У любви есть только сегодня, у страсти – только сейчас. Здесь же, в это самое мгновение быть с ним, прикасаться к нему, целовать его, любить...

Был вечер пятницы – мы сидели в гостиной. Открыв бутылку вина, мы с Сашей расположились на диване, готовясь посмотреть фильм. Такие вечера казались мне лучшими мгновениями жизни, они были исполнены мира, любви, счастья. Мой муж обнимал меня, а я прижималась к нему, словно стремясь укрыться от мыслей, которые крутились в моей голове. Действие вина и тепла моего Саши успокоили меня – все как-нибудь восстановится, уляжется, прояснится. Все забудется, затеряется во времени. Нужно подождать... Подождать...

Неожиданный и резкий звонок нарушил тишину вечера. Звонил домофон. Я выпрямилась.

– Кто это? – онемевшими губами спросила я.

Во мне вдруг все сжалось. Будто во сне я видела, как мой муж поднялся и подошел к трубке домофона, поднял ее, взглянув на экран, где загорелась площадка перед воротами.

– Это Марк, – сказал Саша, вернув трубку на место. – Ты его ждала?

– Нет... – Я нахмурилась, ставя бокал с вином на столик. – Зачем он здесь?..

Марк выглядел веселым, взгляд его почти не останавливался на мне. Войдя в дом, он крепко пожал руку моему му-

жу в знак приветствия – от их прикосновения друг к другу меня пробила дрожь. Саша предложил Марку вина.

– Я за рулем, – ответил тот, – спасибо...

– Что-то случилось? – спросила я, едва сдержав в голосе раздражение.

Марк бросил на меня короткий взгляд. В это время Ваня пришел к нам из своей комнаты и с интересом уставился на Марка.

– Привет, малыш, – обратился к нему Марк. – Я купил крестнику набор с инструментами, а оказалось, что такой у него уже есть. Срок возврата вышел. Я решил, что вашему сыну он пригодится, – губы Марка растянулись в улыбке, которую я посчитала фальшивой. – Держи, – обратился он к Ване, протягивая ему большую коробку. – Надеюсь, у тебя такого нет.

Ваня вопросительно взглянул на меня. Я кивнула. Он подошел к Марку, который поставил перед ним короб с игрушечными инструментами.

– А у меня есть мастерская, – сказал Ваня. – Там много инструментов. А такого набора у меня нет. Спасибо!

– Ты покажешь мне свою мастерскую? – неожиданно спросил Марк.

– Да, конечно, – кивнул Ваня. – Идем!

– Ване пора укладываться спать, – сказала я, впившись взглядом в лицо Марка, и добавила чуть мягче: – Наверное, в другой раз...

– Слово мамы закон, – многозначительно подмигнул Марк моему сыну.

– Может, чаю или кофе? – предложил Саша.

– От чая не откажусь, – согласно кивнул Марк.

Он прошел в гостиную, а я проводила Ваню в детскую, чувствуя предательскую слабость в ногах...

Глава 12

Его лицо врезалось в мою память, как фантом, явившийся во сне. Все было будто не со мной, и в то же время никогда еще я не ощущала себя более живой.

Смерть подошла ко мне и пожала мне руку. Она приветствовала меня, и я ответила ей приветствием. Я отдала ей его, как дань, а она обещала мне покой. Я уже чувствовала его, этот обещанный смертью покой, он просачивался в меня вместе с туманом, стелившимся над озером, будто сама природа одобряла содеянное мной, укрывая тайну вязкой жижей сумерек.

Я не чувствовала ничего, кроме мелкой дрожи, которая сковала мои руки. Все было кончено. Марк был мертв, а я стала убийцей. До того дня я не знала, что способна на убийство. Вероятно, каждый способен на него. Нужен только случай... Только случай...

Я видела это много раз в фильмах, я читала об этом в книгах: убийство. Везде убийство представлялось как действие, не требовавшее особых навыков и подготовки. Убийство было средством избавления. Убийство будто предлагалось всем окружающим миром: фильмами, книгами, телепрограммами, компьютерными играми, песнями, самой природой, в которой смерть была всегда оправдана. Вероятно, убийство в моем подсознании сделалось почти осмысленным явлением,

а убийца больше не представлялся отверженцем. Убийцами были обычные люди, женщины и мужчины, хорошо одетые, семьянины, матери, даже дети. Где-то убийца был героем, вершившим правосудие.

И вот я увидела постановочную сцену убийства на телеэкране, и из глубин моего подсознания всплыла мысль об убийстве – в нем я вдруг обнаружила возможность своего избавления. Мысль была хрупкой, она едва трепетала во мне, но она была вполне определенной. Но думать, замысливать что-то не всегда означает действовать, воплощать задуманное. Материальность мыслей – такой факт, который не имеет статистического подтверждения...

Я с трудом завела автомобиль. Дрожащими руками выкручивая руль, я доехала до асфальтированной дороги, остановила автомобиль на обочине, вышла, достала из багажника небольшие садовые грабли, вернулась к озеру и уничтожила следы протекторов на грунтовой дороге.

Домой я приехала к полуночи. Меня долго трясло, и лишь когда дрожь немного утихла, я пришла к мужу. Он еще не спал. Работал телевизор. Был обычный вечер.

Я сказалась нездоровой и ушла в ванную. Горячий душ полностью избавил меня от дрожи. Все было кончено. Я вернулась в семью. А он больше никогда не вернется в мою жизнь...

Глава 13

Спланировать идеальное убийство не так легко, совершить его – еще сложнее. Мысль об убийстве крепла в моей голове – она зацепилась за мое сознание, за мгновения моей жизни, она постепенно наполняла часы и дни, так что думать о чем-то другом становилось почти невозможно.

Убить... Убить...

Ведь это легко. Убрать со своего пути преграду, препятствие, которое мешает счастью... Покою...

Но это страшно, жутко, чудовищно! Убить, лишить жизни. Я не могла так поступить с Марком – ведь я любила его, все мое существо стремилось к нему, желало его...

Он мешал мне, он не давал мне мирно жить. Он был угрозой. Потерять все из-за страсти, бездумности... Но убить? Почему мысль об убийстве вообще пришла мне на ум?

Рассказать обо всем Саше? Он не простит меня. Будет развод, который я не могла допустить. Поговорить с Марком еще раз, убедить его развязать этот узел между нами? Но я была убеждена – он не отступит, он не отпустит меня. Он затеял жестокую игру – он стал преследовать меня, он стал угрозой.

Убежденность в этом возникла тогда, когда Марк снова пришел в мой дом. Это случилось поздно вечером. Я подошла к окну спальни, чтобы зашторить его, и внизу, на улице,

под фонарем у соседнего дома, я увидела его. Он стоял на дороге, погрузив руки в карманы брюк, и смотрел на меня.

Увидев его, я оцепенела, мое сердце замерло в груди, а руки стали ледяными. Холод, проникший в мое сердце, мгновенно заполнил каждую клетку тела. Стало сложно дышать – усилием воли я втянула в себя воздух. Закружилась голова, потемнело в глазах. Я поняла, что могу лишиться сознания.

Я заставила себя поднять руку и зашторить окно. Мужская фигура исчезла.

Утром на ветровом стекле автомобиля мужа я увидела конверт, в котором лежала записка:

Твоя жена тебе изменяет.

Я благодарила небеса за то, что первой увидела конверт и успела его убрать. Мысль об убийстве перестала быть игрой воображения – теперь она вдруг стала единственно возможной действительностью.

Глава 14

Убийство человека обычно представляется единственным выходом тогда, когда ты спасаешь свою жизнь. Убийство перестает быть чем-то фантастичным, ужасным, непостижимым, – убийство становится только средством, а человек – помехой, которую возможно убрать, только прибегнув к уничтожению.

К моменту, когда в моей голове зародилась мысль об убийстве, я была в состоянии помешательства. Я была загнана в угол.

Ту страсть, которую пробуждал Марк, нельзя было сравнить ни с чем. Он вытягивал из меня саму душу, он не отпускал моих мыслей и моих чувств, он владел мной, как хозяин владеет своим рабом. Мой мир сосредоточился на нем, в нем была концентрация всего моего существа, всех моих замыслов, всех фантазий. Муж и ребенок сделались для меня непреодолимой трудностью, нерушимой преградой. Временами я ненавидела их, а когда сын обнимал меня, мне хотелось кричать навзрыд. Марк душил меня; его пальцы, обожженные мной руки сплетались вокруг моего горла и не давали вздохнуть. Я становилась истерична, в припадке ярости я могла ударить ребенка. Я делалась противна себе. Я становилась невыносима для мужа.

Приезд Марка в мой дом был словно пощечина, удар. Он

нанес его, и я ощутила внутри себя взрыв. Марк тянул меня в пропасть, а я не сопротивлялась. Я была покорна. Он жил так, как того желал, а я утратила эту способность. Я была загнана в угол. Я решилась на убийство.

Это решение нельзя оправдать, доступно объяснить. Это решение лишено смысла. Убийство никогда не избавляет от проблемы. Но иногда кажется, что это не так...

Прошло больше десяти лет – течение наших жизней стало иным, изменились мы сами. Но чувства между нами, это влечение друг к другу, страсть, которую испытывала я к Марку, когда видела его, прикасалась к нему, были непреодолимы и неизменны. В нем было все то, что я любила в мужчине, – характер (он был ласков и упрям), внешность (широколицый, с сильными руками, мускулистым телом), достаток (он был состоятелен и амбициозен). И было в нем то, с чем я не могла смириться, – он был самолюбив, эгоистичен, непостоянен. Кроме того, он уже предавал меня, он оставил меня, но тем не менее я вновь была с ним, я вновь посвящала себя ему, отдавала ему всю себя, более того – теперь ради него я рисковала всем, что могла когда-либо иметь.

А он? Он только требовал – тогда и теперь. Он мог оставить меня так же легко, как прежде. А я теряла все и возвращалась к отправной точке – но теперь с грузом прожитой и утерянной жизни.

Терзания и боль стали итогом моей увлеченности. Он сводил меня с ума. Он искушал меня, он брал меня страстно и

жадно, он изводил меня ревностью и разжигал ее во мне. Вся моя прежняя жизнь то делалась мне обузой, то недостижимым больше миром счастья. Я не находила в себе сил, чтобы добровольно отказаться от него, и не находила больше прежнего желания продолжать затеянную игру. Я предложила ему все прекратить, а он приехал в мой дом, говорил с моим мужем и прикасался к моему сыну, он угрожал обличением.

Убить... Чтобы больше не знать его, больше не встретить... Чтобы больше не любить. Убить, чтобы освободиться. Чудовище... В иные минуты я ненавидела его так же сильно, как страстно желала. Убить, чтобы спасти себя.

Убить его, чтобы жить самой...

Глава 15

Застрелить? Отравить? Утопить?

А если поймают?.. Докажут связь... Причастность...

Мы не писали друг другу, не звонили. Какой здравый смысл! Какая предусмотрительность! Это обстоятельство упрощало задачу. Я была связана с ним только работой, как многие другие сотрудники студии. То, что мы были когда-то знакомы, не делало меня преступницей. Но лучше было бы сделать так, чтобы его не нашли...

Когда я думала обо всем этом, мои мысли не казались мне отвратительными, преступными. Я размышляла об убийстве, как обычно думала о том, что приготовить на обед, – бесстрастно, практично, почти трезво. В моем сердце был холод, мой ум затмевала страсть. Кроме того, по характеру я была тверда, во многом непреклонна, себялюбива, иногда резка. Подобного рода мысли о таком деле, как убийство, – хладнокровные, жестокие, – вполне соответствовали моей натуре. Была ли я способна на убийство? Да. На него способен каждый. Нужен случай, только случай...

Какой случай мог представиться мне? Кажется, утопить человека проще и доступнее всех других способов убийства. Усыпить его и сбросить тело в озеро – это просто. Вода смывает все следы. Главное, чтобы не было свидетелей.

Я стала перебирать в уме все ближайшие водоемы, кото-

рые знала.

Нет, убивать его здесь было бы неразумно. Нужно уехать подальше, туда, где пустынно, где нас никто не может знать. Туда, где не будут искать...

Я казалась себе непреклонной в своем решении. Мои нервы были так натянуты, что рассуждать здраво я была едва ли способна. Я видела цель, я задалась ею, а препятствий к ней для меня не существовало. Пока я не видела Марка...

При встрече с ним все во мне замирало и содрогалось. Когда в студии я видела его, когда взгляды наши пересекались, когда он подходил ко мне, чтобы как будто случайно коснуться меня, сказать мне что-то, от чего мое сердце учащало свой ритм, моя решимость гасла – я не могла думать о том, чтобы убить его, лишить его тело жизни. Я не могла представлять себе его мертвое лицо – это невыносимо, непостижимо! Это слишком жестоко, чтобы быть правдой, чтобы быть даже замыслом, фантазией! Живое, красивое лицо, глаза, страстный блеск которых должен угаснуть...

Но когда я оставалась одна, когда была с мужем и сыном, когда вспоминала о том, как Марк оставил меня ради другой, как теперь он клялся мне в любви, при этом не упуская случая перекинуться парой легкомысленных фраз с какой-нибудь симпатичной сотрудницей студии, а в общении со мной накидывая маску отчужденности, как он пришел в мой дом и говорил с моим мужем и сыном, как тенью преследовал меня, как он стоял под окнами спальни, меня огулали волны

ревности и гнева. Никак нельзя было совладать с ними – они топили меня, я задыхалась, в груди нестерпимо жгло, а в горле стоял тугой ком. И мысль об убийстве вновь появлялась в моей голове, она снова переставала быть пугающе жестокой, а делалась вполне доступной, оправданной и реальной.

Убить, убить его... Убить...

Глава 16

Я пригласила Марка съездить загород, на озеро. Я не думала о том, чтобы исполнить свой замысел в тот же день. Я хотела осмотреться, прикинуть, смогла бы я справиться с ним, смогла бы утопить... Я не взяла с собой ни снотворного, ни веревки, – со мной был только страх, самолюбие и помутненный страстью разум.

Был будний день, у меня был выходной, а Марк рано закончил дела. Мужу я сказала, что мне поставили вечерний эфир. Был август. Знойный день покрывали одеялом туманов сумерки. Солнце быстро клонилось к закату.

– Зачем ты так поступил... – произнесла я почти шепотом, доставая с заднего сиденья корзину с сэндвичами и фруктами. Я колебалась. Одна его ласковая фраза – и я изменила бы своей решимости держаться твердо и бесстрастно. – Зачем ты приехал в мой дом?... Зачем оставил записку?

– Чтобы ты не думала, что так просто можешь отказаться от меня, – ответил Марк властно, приблизившись ко мне и прикоснувшись к моим бедрам.

– Хватит, – сказала я. – Поздно все начинать сначала... – Мой голос начал дрожать. – Это попытка вернуться в прошлое, и только.

– Ты знаешь, что теперь мы не можем расстаться, – вдруг сказал Марк так спокойно и просто, что я недоуменно впи-

лась в него взглядом. — Я буду появляться в твоей жизни снова и снова... Вся твоя жизнь в моей власти. Твоя карьера...

— Не смей... — Реальность мгновенно потеряла для меня смысл. — Работа есть работа...

— Так просто? — Я видела в глазах Марка огоньки.

Он играл со мной. Пожар внутри меня разгорался сильнее. Ноги подкосились, и я прислонилась к автомобилю, чтобы не упасть. Я чувствовала, что побледнела.

Мерзость. Вязкая мерзость чувствовалась на языке, на теле, в руках, в животе. Она была всюду, она наполняла меня. Меня затошнило. Я погрязла в этой мерзости, она утягивала меня к краю пропасти, выбраться из которой было уже невозможно.

Сердце гулко билось в ушах. Из моих рук выскользнуло что-то, без чего я теряла равновесие, саму опору. Я падала, я летела вниз и знала, что совсем скоро погибну, разобьюсь о дно этого ущелья. Внутри меня образовалась пустота — большая темная дыра, которая поглощала всю меня, все чувства, мысли и желания. Сделалось вдруг пусто и глухо внутри — я утратила суть, саму ясность положения и вещей, ощущений, смысла и действительности. Все стало вдруг бесстрастным, безликим, недостижимым. Стал далеким весь мир и Марк, стоявший передо мной.

Какое-то время мы были на берегу озера — гладь воды была почти недвижима. Вокруг не было ни души — тихо, даже птицы как будто умолкли. Здесь было несколько озер, в вы-

ходные дни тут устраивали пикники, но будни были безлюдны. Мне подумалось, что здесь, на этих озерах, можно было бы утопить человека или спрятать тело – безлюдное место, лес и воды, которые уже могли скрывать чью-то тайну.

Но не сегодня, не в этот день...

Я смотрела на Марка, который сидел передо мной на плече и ел сандвич, и силилась представить себе, как я буду его топить. Это оказалось сложнее, чем я могла вообразить. Если я усыплю его, добавив в еду или напиток снотворное, то как я донесу его тело до воды? Едва ли я даже сдвину его с места...

Я могла бы сбросить его с лодки, но на этих озерах лодочной станции нет. А там, где она есть, может быть слишком людно.

Это должно было случиться не сегодня. Это должен быть обдуманный шаг. Я все еще сомневалась в его необходимости. Обратного пути уже не будет. Убийство – возможно ли его оправдать? И делала ли меня преступницей только мысль о нем?..

Глава 17

Его лицо врезалось в мою память, как фантом, явившийся во сне. Все было будто не со мной, и в то же время никогда еще я не ощущала себя более живой...

Раньше я никогда не думала о смерти – она казалась мне далеким миражом, почти нереальным событием, которое случается редко и происходит с кем-то другим, незнакомым, чужим, с кем-то, кто будто никогда даже не существовал. Убийство же представлялось мне действием нелогичным и лишенным человечности. Зачем убивать? Каково это – собственноручно лишить жизни? Мне казалось, что только военные и безумцы способны на него. В обоих случаях убийство делается даже как будто оправданным, обоснованным явлением: война за территорию или война с собственным рассудком – они толкают на уничтожение, они диктуют истребление, они подразумевают кровопролитие. Оба эти случая имеют в своем основании непростые условия жизни, отличные от нормы явлений психики и окружающего мира. Убийство становится следствием принуждения. Вынужденное, почти оправданное действие. И такое же нереальное, как смерть...

Ноги сами привели меня к деревянному мостику. Здесь не было никакого парапета – только шаткий помост из досок метра в три. Я прошла по мостику. Подо мной была вода,

темная, почти черная. Я остановилась, впившись взглядом в мутные воды озера. Чем дольше я смотрела на воду, тем чернее она казалась мне. Солнце уже опустилось за верхушки деревьев, а оттого берег мгновенно погрузился в серость. Внезапно острая тоска сковала мне душу. Я готова была провалиться в эту тьму озера, лишь бы не быть здесь, не видеть больше Марка, не думать о том, что настойчиво не покидало моего воображения. Домой... Мне хотелось домой...

– Нужно вернуться, – почти шепотом проговорила я, когда Марк подошел ко мне.

– Уже?... – Марк стоял позади меня.

Я всем телом ощущала его присутствие – мне хотелось вырваться из того пространства, в котором был он. Мне сделалось тесно, меня стала душить тоска. Мои руки дрожали, и я сцепила замком пальцы.

– Да. Я хочу домой, – повысив голос, произнесла я. – Я не хочу быть здесь, не хочу быть с тобой.

Внезапно я ощутила, как крепкие пальцы сжали мои плечи. Марк развернул меня к себе, так что я едва не потеряла равновесие. Я встретила взглядом с ним. Его глаза были такими же черными, как воды озера, – их тьма проникла в меня, и мне на мгновение показалось, что он узнал мой замысел. Его руки не отпускали меня – пальцы с силой сжимали мои плечи. Я ощутила острую боль.

– Пусти, – сказала я, силясь его оттолкнуть.

Марк попытался притянуть меня к себе. Его лицо испу-

гало меня – полное решимости, оно приблизилось к моему. Я уперлась руками в его твердую грудь, однако не в силах была остановить его. В следующее мгновение я закрыла ладонями лицо Марка. Я отталкивала его, но это мое действие только распалило его страстность. Марк убрал мои руки, и я внезапно осознала, что ждет меня в последующие минуты. Боль и страх наполнили меня – мы были здесь одни, и никто не мог мне помочь. В своем стремлении создать ловушку и погубить, я сама попала в нее и могла погибнуть.

Я смотрела на его лицо – искаженное страстью, ставшее вдруг жестоким, мертвенно бледным, почти безумным. Спасись, вырваться из этого капкана, убежать... Я собрала все силы и стала вырываться из рук Марка – я молчала, слова будто застряли в горле, голос пропал. Я молчала и вырывалась из сильных рук. Я желала спастись, избавиться от западни. Я желала спастись...

В одно мгновение я внезапно ощутила, что свободна. Руки вокруг меня разжались, я отступила на несколько шагов назад, не видя, куда иду. Мне было все равно – лучше в воду, но не к нему! Марк тоже отступил на шаг.

Он отступил – и внезапно исчез. Громкий всплеск – от мостка в разные стороны пошли круги. Я тяжело дышала. Я стояла и смотрела туда, где мгновение назад был Марк, – на край мостка и на круги, которые потревожили озерную гладь.

Я оглянулась – никого.

Я бросилась к берегу, забрала с пледа свою сумочку и побежала к машине, оставив плед и корзину на месте. У машины я обернулась – мостик был пуст.

Вернуться или уехать? Угнетающее предчувствие прокрадось в сердце. Я посмотрела на плед – он одиноко темнел на берегу. Что-то случилось, и я была к этому причастна. Уехать теперь было бы бездумно. Я решила вернуться к мостику.

Вода на озере едва колебалась. Прислушиваясь, я осторожно прошла по мостику – доски под моими ногами поскрипывали. Я прошла до самого конца и посмотрела вниз. Там из воды торчала деревянная балка – к ней, вероятно, когда-то привязывали лодку. Марка видно не было. Я подумала, что он, должно быть, падая, ударился об эту балку. Марк был в воде – в этом не было сомнений. Его еще можно было спасти...

Глава 18

Все вдруг представилось мне иронией, злой шуткой.

Я замышляла убийство. Я будто держала в своих руках закрытую шкатулку с этим замыслом, но едкий эфир из нее не проникал в мою сущность. Я не касалась его, а только хранила, то и дело обращая к шкатулке свой взор. И вот шкатулка раскрылась (случайность, рок, игра судьбы!) – эфир вырвался из нее, и я вдохнула его. Я ощущала, как яд его проник в мои вены, как кровь разносит его по всему телу.

Закрыть ее, эту шкатулку, поскорее выбросить, даже уничтожить, чтобы никто больше не нашел ее, не прельстился этим эфиром, – вот что необходимо было сделать, вот что требовалось от меня. Но не так легко отречься от соблазна! Не так легко пренебречь замыслом и не последовать воле обстоятельств!

Случай будто сам предлагал мне совершить задуманное, стоило только сделать выбор, согласиться с волей обстоятельств...

Я мешкала. Что сделать? Вызвать скорую? Тогда бы все раскрылось – мой муж узнал бы об измене. Спасти Марка самой, вытащить его из воды? Я могла – я умела плавать. Но ведь я хотела его убить – и вот он, тот случай, который мог помочь мне совершить идеальное убийство. Все, что произошло на озере, было несчастным случаем. Никто не знал о

том, что мы были здесь, едва ли кто-то нас видел.

Я оглянулась – ни души. Тишина резала слух. Я вновь посмотрела на воду. Сколько минут прошло? Возможно, Марк уже был мертв. Тогда, если я достану его тело из воды, история будет уже не о спасении.

Я стала думать о последних минутах жизни Марка. Он сам был виноват в том, что произошло. Нужно было оставить меня, позволить мне уйти. Нужно было прервать эту связь, угнетающую нас обоих. Но он решил поступить иначе – он решил продолжить эту цепь из лжи, усугубив тем самым наше положение. Его выбор привел его к смерти...

Внезапно все мысли оставили меня – едкие, вязкие, они вдруг сделались тугой тишиной, которая сдавила мне горло. Мне хотелось убежать отсюда, скрыться, – мерзость происходящего была почти не по силам моему рассудку. Где-то за деревьями, там, где была автомобильная дорога, раздался гудок – он был коротким, далеким, но показался мне резким в этой оглушающей тишине, и я вздрогнула, обернувшись.

Замысел и действие – только их союз рождает преступление. Задуманное слишком часто становится действительностью...

Глава 19

Горячий душ полностью избавил меня от дрожи. В ту ночь я не спала. Мне казалось, все во мне кричало о том, что я совершила нечто ужасное, хотя я старалась ничем не выдавать своего состояния. Наутро лицо мое было серым, под глазами

– темные круги, даже щеки как будто впали. В полдень у меня был эфир. Я приложила немалые усилия, чтобы вернуть своему лицу привычные черты. Начинался обычный день. Я не знала, как мне его прожить.

Горькое, непреодолимое, свинцовое чувство вины накрыло меня в утро после того дня. Я оставила Марка, я не попыталась его спасти. Испугавшись того, что кто-то в любую минуту может появиться на берегу, я поспешно собрала плед и остатки еды в корзину, бросила их в машину и уехала, уничтожив следы своего пребывания на озере.

– Что я сделала? Господи! Что я сделала?.. – сами собой шептали мои губы.

Его вина в произошедшем уже не казалась мне такой очевидной. Воля случая сыграла злую роль, и я почти бездумно поддалась ее наставлениям. Марк погиб, и моя вина в его смерти была очевидна. Если вечером я старалась оправдать себя, то наутро все мои доводы стали пылью прожитого дня. Замысел и случай – их союз стал почвой для воплощения мыслей.

День тянулся долго, минуты косолапо переваливались в пространстве. Эфир я провела довольно неплохо, хотя в горле было сухо и вода не спасала. В обед кто-то упомянул имя Марка, меня передернуло. Я почувствовала, как кровь отхлынула от моего лица. Ноги стали ватными, в голове загудело. В уборной я облила виски и лоб холодной водой. Мне хотелось все исправить.

Необходимо было все исправить!..

Когда рабочий день наконец завершился, я поехала к озеру. Преступник ведь всегда возвращается на место преступления?

Я остановила автомобиль на обочине дороги и до озера пошла пешком. Вокруг было тихо. Водная гладь едва серебрилась в переливах сумерек. Тишина резала уши. Он мог уже быть на поверхности воды. Нужно было вытащить его, если этого еще не сделал кто-то другой...

Тела не было. Некоторое время я ходила вдоль кромки воды, поднималась на мостик, однажды даже вернулась к автомобилю. Все здесь было, как и накануне, не было каких-либо следов, которые бы указывали на то, что здесь был найден труп человека, – не была примята трава, не было явных следов протекторов. Ночью шел дождь, дорогу размыло. Я не могла ничего решить, сердце бешено колотилось в груди, разрывая грудную клетку. Как я могла додуматься до такого? Как я могла довести себя до этого? Я убила... Убила...

В глубинах сознания трепетала мысль, что я совершаю ошибку. Вернувшись, я подвергала себя риску. Я не могла оказаться в тюрьме – у меня был сын, была семья. Я не думала о них все это время. Теперь же я была в ужасе от своей легкомысленности.

Но и бросить тело Марка, сделать его пропавшим без вести... Было ужасно. Чудовищно. Жестоко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.